

БИБЛИОТЕКА ЛИТБЕСЕДКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН ТАЧАЛОВ	2
К. ПОРФИРЬЕВ (ПОРФИРИЙ КАЗАНСКИЙ).....	2
ВИЛЬЯМ ОЗОЛИН	4
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.....	5
ЛЕОНИД МЕРЗЛИКИН	10
НИКОЛАЙ РУБЦОВ	13
ИГОРЬ ПАНТЮХОВ.....	17
ГЕННАДИЙ ПАНОВ.....	25
ВЛАДИМИР БАШУНОВ	27
ВЛАДИМИР КАЗАКОВ.....	35
СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН.....	38
ИВАН ЖДАНОВ.....	41
МИХАИЛ ГУНДАРИН.....	42
ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ	46
НАТАЛЬЯ НИКОЛЕНКОВА	46
ЕВГЕНИЙ БАННИКОВ	48
ЮЛИЯ ВОЛОВИКОВА	49
ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА.....	49
СТИХИ О БАРНАУЛЕ	51
ВИКТОР КУЗНЕЦОВ	51
ЛЮДМИЛА ГАРКАВАЯ	52

ИВАН ТАЧАЛОВ. 1879-1929

РАСПУТЬЕ

Опять в душе моей сомненье и тревога,
И злоба и любовь и к другу и к врагу;
Хотел бы всех призвать на Светлый Праздник Бога,
Но не могу...

То страшной тяжестью гнетет мое сознание
Людского торжища непобедимый шум,
Где тонут голоса любви и упования
И светлых дум.

И я страшусь отдать призыв свой безрассудно
На суд насмешливый враждующих ханжей.
Погрязших навсегда, заснувших непробудно
В чаду страстей.

Го верую, что все дерзаючи и юны,
Что все таят в душе живые огоньки,
Что в их сердцах звучат неведомые струны
Святой тоски.

И хочется излить им в песнях неизбывных
Свой пламенный призыв, уверенный ответ,
Что в тайнах красоты молитвенно-призывных
Восторг и Свет...

Позвать ли мне людей на Светлый Праздник Бога
Прервать ли навсегда восторженный напев?..
В душе моей кипят сомненье и тревога,
Любовь и гнев!

К. ПОРФИРЬЕВ (ПОРФИРИЙ КАЗАНСКИЙ) 1885-1938

РОЖДЕНИЕ ОБИ

Друг другу принося дары,
Сошлись две странницы-сестры
В степи привольной, на просторе,
И, слив надежды и труды,
В угрюмый край, в седое море

Ушли искать родные льды
Широкой Обью многоводной.
И долго рядом в ней видна
Катуни мутная волна
С волною светлой и холодной.
Их встречу скрыть от всех должна
Кустов зеленая стена;
Но видит их в степи широкой
Старик Алтай, поверх кустов
Синея дымкою далекой
Передовых своих хребтов.
На север взор он устремляет,
Бескрайний меряет простор,
И волны слившихся сестер
На дальний путь благословляет.

ВИЛЬЯМ ОЗОЛИН (1931-1997)

Баллада о памяти

*Лет десять, не меньше,
Я не был на этом причале.
Уехал. Скитался. Хотел позабыть...
И забыл.
Мотало меня по волнам, по ветрам,
по печали...
Вернулся — опять всколыхнулась
забытая быль:*

*«...Неяркое солнце
на небе осеннем, безбрежном.
В белесом тумане
растаял последний паром.
Последняя птица
взмахнула крылом белоснежным.
Последняя лодка
на ветреном пляже сыром...».*

*О, добрая память!
Зачем ты меня обманула?
Ты скрыть захотела,
о ком я тоскую, о ком...
Не птица тогда мне
крылом белоснежным взмахнула —
А женщина в белом
прощально махнула платком...*

*Это бывает лишь в юности. Это —
Сердце разбитое, пепел и шлак.
В самом разгаре веселого лета
Вздорная, плечики вздернув, ушла...*

*Злиться, надеяться, мучаться,
плакать!*

*Милая, что же наделала ты?
Так на перроне бросают собаку
Средь равнодушной людской суеты.*

*Что ты наделала! Спелые гроздья
Взглядов твоих позабыть не смогу.
Что ты наделала! Ржавые гвозди —
В сердце, как в лодке на берегу...*

*Опустошенность. Скамейка. Аллея.
Красный зрачок сигареты погас...
Ткнулся мне в локоть, любя и жалея,
Маленький, как жеребенок, Пегас...*

*Маленький мой жеребеночек!
Это —
Звездочка тихо по небу прошла...
Юность. Любовь. Одиночество. Лето.
Вот наша дружба когда началась...*

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1932 - 1994)

ИЗБРАННОЕ

* * *

А. К.
Приходить к тебе,
чтоб снова
просто вслушиваться в голос
и сидеть на стуле, сгорбась,
и не говорить ни слова.
Приходить,
стучаться в двери,
замирая, ждать ответа...

Если ты узнаешь это,
то, наверно, не поверишь,
то, конечно, захохочешь,
скажешь:
«Это ж глупо очень...»
Скажешь:
«Тоже мне —
 влюбленный!» —
и посмотришь удивленно,
и не усидишь на месте.
Будет смех звенеть рекою...

Ну и ладно.
 Ну и смейся,
Я люблю тебя
 такую.

Я жизнь люблю безбожно!
Хоть знаю наперед,
что —
 рано или поздно—
настанет мой черед,
Я упаду на камни
и, уходя во тьму,
усталыми руками
землю обниму...

Хочу,
 чтоб не поверили,
узнав,
друзья мои.
Хочу,
 чтоб на мгновение
охрипли соловьи!
Чтобы,
 впадая в ярость,
весна по свету шла...

Хочу, чтоб ты
смеялась!
И счастлива была.

* * *

Мы судьбою не заласканы.
Но когда придет гроза,
мы возьмем судьбу за лацканы
и посмотрим ей в глаза.

Скажем:
«Загремели выстрелы.
В дом родной
 вошла беда...
Надо драться?
Надо выстоять?»
И судьба ответит:
«Да».
Скажем:
«Что ж.
 Идти готовы мы...
Но скажи ты нам тогда:
наши жены станут вдовами?!»
И судьба ответит:
«Да».
Спросим:
«Будет знамя красное
над землей алеть всегда?
Наши дети
 будут счастливы?»
И судьба ответит:
«Да»,
И мы пойдём!

КОСТЕР

Умирал костер, как человек...
То устало затихал,
то вдруг
вздрагивал, вытягивая вверх
кисти желтых и прозрачных рук.
Вздрагивал,
 по струйке дыма
 лез,
будто унести хотел с собой
этот душный, неподвижный лес,
от осин желтеющих рябой,
птиц

Конечно же, не струшу.
Сейчас я чуть помедлю
и выбегу
 наружу!
Ведь мы, во всяком случае,
в своем существовании
и кипятками
 варены!
И холодами
 кручены!
Все в жизни повторяется.
И в нас уже
 вколочено:
В холодное!
В горячее!
В горячее!
В холодное!

ЧЕЛОВЕК

Пугали богами.
А он говорил:
 «Враки!»
Твердили:
«Держи себя в рамках...»
А он посмеивался.
И в небо глядел.
И шел по земле.
И осмеливался!
И рушились рамки!
И вновь воздвигались
рамки.,.
«Держи себя в рамках...»
А он отвечал дерзко!
«Держи себя в рамках...»
А он презирал страхи.
А он смеялся!
Ему было в рамках
 тесно.
Во всех.
Даже а траурной
рамке.

ВОЮЮТ НАДПИСИ

А здесь всюду воюют надписи!

Разборчивые.

Ключевые,

Категоричные до наглости.

Короткие,

как очевидность...

С плаката сытого,

лощеного

нахмуренная личность

глянула.

В нее листовка,

как пощечина

(аж брызги разлетелись!),

вляпана!..

А эту надпись

нынче ночью

сдирали, будто кожу —

заживо!

Сдирали так,

что даже ноготь

остался —

в штукатурку всаженный!

А этот лозунг взяли подкупом,

и он сползает со стены...

Война идет!

Я пахну порохом

неслышной буквенной войны.

ЛЕОНИД МЕРЗЛИКИН (1935-1995)

ИЗ СБОРНИКА «ИЗБРАННОЕ»

* * *

Ты меня не ругай, не брани.

Пережили мы зимние дни.

Пережили мороз и пургу.

Я весной не пьянеть не могу.

Не могу не любить этот май.

Ты меня не брани, не ругай.

Незнакомка в вагонном окне?
Так она ж, как снежок по весне,

Пропорхнула и скрылась в лугах...
Я пришел и топчусь в сапогах.

Не ругай. Посижу, привалясь.
Грязь? Так это ж весенняя грязь!

* * *

Это что так народ обмирает?
Это что так толпится народ?
Возле Старого рынка играет
На гармошке слепой и поет.

Жестяная помятая кружка
У ступенек стоит на краю,
Наклонилась седая старушка,
Опустила монетку свою.

Я берет надвигаю на брови,
По карманам ищу - ни шиша! –
Ощущаю, как где-то до крови
Изворочилась в теле душа.

Вспомнил детство с дымящею плошкой
И до дырок проскобленный стол,
Чугунок закопченный с картошкой
И дерюгою устланный пол.

А гармошка колотится в стонах,
Бельмы пусто глядят из-под век...
Отойди в милицейских погонах,
Не мешай, молодой человек!

ИЗ СБОРНИКА «ДОРОГА»

* * *

Днем погожим бы вынести легкие саночки,
Да с горы с улюлюканьем, елки зеленые!
Хороши на Алтае девчата - смугляночки,
Предвечерним морозцем слегка обожженные.

Обоймешь хохотушку, и мягкая варежка

Упадет, промелькнет под полозьями синими.
Ну чего ты сторонисься? Как тебя? Дарьюшка?
Или, может, иначе? Не знаю по имени.

Видишь: лапчатый гусь наследил возле проруби?
Ожидают весну и луга обновленные.
А сегодня зима. Покататься нам в пору бы,
Эх, с горы с улюлюканьем, елки зеленые!
1959 г.

Ты права. Мы и впрямь, как чужие.
Повинуюсь тебе. Так и быть.
Мне с нуля начинать не впервые.
Помня все, можно все позабыть.

Мне с нуля начинать по привычке.
Жаль, привычка немного не та.
Да и время сгорает, как спички:
Глядь-поглядь, а коробка пуста.

Жаль еще, что, тебя покидая,
Я холодные речи веду.
Лунным светом аллея ночная
Залита в поселковом саду.

Может быть, на каком-то вокзале
Через многие годы, потом,
Мы столкнемся с тобой, но едва ли
Полыхнут наши щеки огнем.

А ведь был же тот сад поселковый,
Ты да я, да слова невпопад!
То ли снег, то ли пух тополевым
Позасыпал поселок и сад?

А ведь было же! Помнишь? Аллея,
Ты да я, да внакидку пальто.
Кто там бродит и шепчет, робея?
То ли ты, то ли я, то ли кто?
1969 г.

* * *

Лес застыл, как на картине,
Полон света, смеха, капель.
Хочешь, я по паутине
Позвоню в твой Барнеаполь?

Хочешь, я на том листочке,
(Вон он, в травах порыжелых),
Прилечу, и в туесочке
Привезу орехов спелых?

Дунул ветер - все смешалось.
До тебя минуты лета,
И, представь, такая жалость:
Ни звонка, ни вертолета!
1979 г.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ (1936 - 1971)

ИЗ СБОРНИКА «ИЗБРАННОЕ»

О СОБАКАХ

Не могу я
Видеть без грусти
Ежедневных
Собачьих драк,—
В этом маленьком
Захолустье
Поразительно много
Собак!
Есть мордастые —
Всякой масти!
Есть поджарые —
Всех тонов!
Только тронь —
Разорвут на части
Иль оставят вмиг
Без штанов.
Говорю о том
Не для смеху,
Я однажды
Подумал так:
Да! Собака —
Друг человеку

БУКЕТ

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
— С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже.;.
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...
<1962>

МИНУТА ПРОЩАНИЯ

...Уронила шелк волос
Ты на кофту синюю.
Пролил тонкий запах роз
Ветер под осиною.
Расплескала в камень струи
Цвета винного волна —
Мне хотелось в поцелуи
Душу выплескать до дна!

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...
<1963>

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...
1964

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

<1965>

ИГОРЬ ПАНТЮХОВ (1937-2009) ИЗ СБОРНИКА «КОРАБЛЬ ДРУЗЕЙ»

ГОРОДА

Звезды тихо с неба осыпаются,
Ранним окнам свет свой отдают...
Медленно мой город просыпается,
Города, как люди, устают.
И от шума устают фабричного,
И от слякоти, и от жары.
Даже устают — от так привычного! —
Гомона веселой детворы.
Если у людей дела не спорятся —
Устают...

А в чем тут их вина?..
Ну, а если кто-то с кем-то ссорится —
Городам и ночью не до сна.
И, храня для нас тепло живое,
Зябнут, не смыкая фонарей,
Шепчут — вы прислушайтесь! — листвою
«Люди, помиритесь поскорей!
Люди, все нельзя начать сначала,
Люди, жизнь нельзя остановить!
Люди, вам отпущено так мало
Времени,
 и нервов,
 и любви...»
Звезды тихо с неба осыпаются.
Помирившись,
 мы идем домой.
Медленно мой город просыпается... —
С добрым утром, добрый город мой!..

ГОВОРЯТ...

Говорят,
От слез рыбачек
В море солона вода...
Старый боцман мне иначе
Объяснил:
«Не в том беда.
Это, братец,
 пот матросский,
Что веками в море лил
Из-под нашей робы жесткой,
Воду так пересолил...»
Не вопроса ради праздного
Я спросил его тогда:
«Дед, а почему
 не красная
В море до сих пор вода?»
Понял дед и—как отрезал:
«Кровь матросская на дне,
Слишком много в ней железа,
Чтоб держаться на волне...»

ЗЕРНО

Картины детства памятью тревожа,
я вспомнил баб, поникших на возу,
и было в их руках зерно похоже
на вдовью, неостывшую слезу.
Пустели печи русские к июлю,
и кладбища густели заодно,
и чем-то вдруг напоминало пулю
в рядне мешка застрявшее зерно.
Не нужно городить каскады формул,
чтоб доказать, коль истина важна,
что и Земля,
 Земля имеет форму
созревшего пшеничного зерна.
Я все законы физики приемлю,
но есть поправка у меня одна:
нет, не колосья держатся за Землю,
а на колосьях держится она!

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Я большими глотками пью белую ночь
И пьянею,
 грустя об одном:
Как мне тысячи верст
До тебя превозмочь
С этим необычным вином?
Чтобы выпила ты,
Чтоб придумала ты,
Как порвать заколдованный круг?
Чтоб сошлись,
Как сейчас над Невою мосты,
Окончания наших разлук.
Все пьяней и прозрачнее белая ночь,
Все сильнее она хлещет в окно...
Прилети,
Помоги,—
Мне впервые невмочь
Одному
Пить такое вино...

ПОТОК

Поэт на земле неудобен
Всегда, с незапамятных пор.
Поэт в своей жизни подобен
Потоку, летящему с гор.
Летит напрямик, не петляя,
Сквозь толщи породы пустой,
Летит, берега высветляя,
И моет песок золотой.
А если бесформенный камень
Встречь струй его будет стоять,
Он станет веками — веками! —
Из камня богиню ваять.
И люди, узрев Афродиту
Средь серых гранитных столбов,
Поймут,
 что сильнее гранита
Живая, земная любовь.
А в память о прежнем потоке,
Венчая любви торжество,
Упрямо помчатся потомки
По светлому руслу его...

ИЗ СБОРНИКА «ЗДЕСЬ ВСЁ МОЁ»

ОБОРВАННЫЕ ПРОВОДА

Крест-накрест мир перечеркнули
оборванные провода,
и в перекрестье, как от пули,
зияет рваная звезда.
А тишь!
В день сотворенья первый,
пожалуй, не было такой...
Земли обугленные нервы
качает ветер над рекой.
Столбы стоят, не ищут брода,
безвольно свесив провода.
Слова, стекая, каплют в воду, -
но в рот воды взяла вода.
А провода кричат:
«...Где трайлер?..»
«...Что с мамой?..»
«...Кто вам дал права?..»

И шли на дно,
и умирали
еще горячие слова.
Земля взбивала то и дело
орбит упругие витки,
но веки смежить не сумела:
все что-то у нее болело,
болело в области реки...

КОРАБЛЬ ДРУЗЕЙ

Если вы с ними встретитесь часом -
я вам обещаю,
Что они вас с собой,
как однажды меня,
позовут...
Я все чаще с годами
себя кораблем ощущаю,
Кораблем,
в чьих отсеках
хорошие люди живут.
Да, живут,
хоть иные
уже в невозвратном далече,
Как в рассветном тумане
растаяли их паруса.
Но тепло их ладоней
хранят до сих пор мои плечи,
И ночами я слышу
негромкие их голоса.
Их подчас прерывает
бессонный звонок телефонный:
- Вызывает Хабаровск...
- Одесса...
- Москва говорит...
Я - связной между теми,
кто в Лете сокрылся бездонной
И кому только-только
шагнуть за порог предстоит.
Все мы - звенья живые
в цепи бытия бесконечной, -
То, что дал мне отец, -
сыну гены мои донесут.
Суд сыновний страшнее,

чем Страшный, суровой,
чем Вечный,
Тот, в пещерных потемках
придуманный предками Суд...
Есть еще суд друзей.
Я на суд этот выйду без страха,
За полвека меня
не однажды пытала беда.
Но ни разу моя
просоленная потом рубаха,
Ближе к телу -
рубахи чужой -
не была никогда.
На моем корабле
очень разные люди бывали,
Повидать довелось
бунтарей,
и бойцов,
и «бичей».
И подонков,
что, часом,
кингстоны в трюмах открывали,
И, как крысы, коварно
скрывались во мраке ночей.
Им казалось тогда,
что уже решена моя участь,
Что вот-вот мой корабль
совершит роковой оверкиль,
Но вставали друзья,
и вели мы борьбу за живучесть,
Не считая пробоин,
не меряя пройденных миль...
И под тихую песню
машинного ровного гула
Синевой заливала
воскресший корабль вышина,
И звучали на баке то колкие шутки Смуула,
То гитара Рубцова,
то хриплый басок Шукшина,
То лукаво про «муху»
в застолье читает Карпеко,
То Мерзликин припомнит,
где с бабкою внучка живет...
Я подобно тому чудаку,
все «ищу с фонарем» человека,
Или он меня ищет.

И, может быть, даже найдет.
Я спокоен теперь. Я потерь не боюсь.
И находок,
Тех, что раньше манили,
уже потому, что не жду.
Я упрямо иду,
хоть совсем не форсирую хода,
Знаю,
ждут меня где-то,
вот я потому и иду...

Есть в жизни суд неумолимый,
Суд без вины и правоты,
Суд,
Где судья и подсудимый,
Ответчик и защитник - ты.
И хоть зайдись в беззвучном крике,
Хоть расхлещи кулак о грудь,
Уловками - не сбить улики,
Суть суетой - не захлестнуть.

Раскаяньем не снять расплаты
За все,
В чем только ты не прав,
И не раздетый,
А распятый
Лежишь, до крови губы сжав.
Вся жизнь твоя суду понятна -
От колыбели - до седины,
И если есть на сердце пятна -
Их выжечь может он один.
И как твой адвокат ни гибок,
Он не поможет,
Не спасет.
Судья предъявит без ошибок
Твоих ошибок полный счет.
Не жажду славы я манящей,
Не отстаю,
Не рвусь вперед,
Но почему тогда все чаще,
Так неотступно,
Так паляще:
«Проснись, - я слышу, - суд идет!»

когда
уезжает женщина любимая
в поезде
с табличкой
«Навсегда».

ГЕННАДИЙ ПАНОВ (1942-1992)
ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЙ СКЛАДЕНЬ»

* * *

Завари листом смородины
чай,
и утренней душой
сам поймешь: без малой родины
нет понятия - большой.
Без примет родимой улицы,
что растрогали до слез –
дом Бакуниных ссутулился,
дом Поповых в землю врос.
Без старушки на завалинке
и ее славянских глаз,
что тебя знавали маленьким
и признали в этот раз.
Встану рано утром, гляну я –
оторваться не могу:
конь мухортый и буланая
кобылица на лугу.
Четкий след копыта выбили
на отаве молодой.
Первый иней густо выбелил
две березы над водой.
А за этими березами –
копны розметью, стерня.
Изумительные озими.
ОТЧИНА.
Начало дня.

СПОЗРАНКУ

Спозранку
разбужен скворцами,
просыпаюсь, как в детстве, светло.

Пахнет утро землей, огурцами,
и встает молодняк на крыло.

Просыпается все на рассвете:
темень вод и небесная ясь.
Обошел потаенные сети
золотистый, как радость, карась.

Рыжий коршун
медлительно кружит,
хорохорится красный петух.
И надежным убежищем служит
для цыплят благородный лопух.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Я приехал в родную деревню
и с нечаянной грустью открыл,
что уже позасохли деревья,
на которых я гнёзда зорил.
Позасохли, сгорели в поленьях.
выпекая в печи калачи.
Кто тут нянчил меня на коленях?
Тишина.
Только сердце стучит.
В будний день -
не на Красную горку,
не с вином,
а с виною в душе
в лес иду, где давно на пригорке
полсела отдыхает уже.
Осторожно ступаю на хвою,
и влажнеет, туманится взгляд.
Растревоженно над головою
вековечные сосны шумят...

ВЛАДИМИР БАШУНОВ (1946 - 2005)

ИЗ СБОРНИКА «АВОСЬ»

* * *

Переломился месяц о трубу
избы моей серебряно и чудно.
И вновь во мне заговорило чувство
любви к природе и ее труду

незримому. Откуда и когда,
по прихоти какого провиденья
возникли эти синие виденья
и этот снег, облекший провода?

Как просто разбазарила она
себя вокруг, как ярко и беспечно,
как будто не навечно, а на вечер
ей сила воплощения дана.

Как будто бы не надо поберечь
на будущее все свое уменье.
Как будто завтра оборвется пенье,
и на губах заиндевет речь.

* * *

Иногда повстречаешься с птицей,
так тоскливо она поглядит,
точно хочет с тобой поделиться
тем, что в маленьком сердце болит.

А еще, над цветком наклоняясь,
замечаешь порой, как он сам
так и тянется, приподымаясь,
так и льнет, приникает к рукам.

Что ты им? Или все это верно:
человек умирает не весь?
Очищаясь от всяческой скверны,
часть души остается здесь.

ее кипенье
и кружение
гася уверенной рукой.

Наискосок,
через воронки,
закрученные в глубине,
чтоб в спину ахали девчонки
и говорили обо мне.

На левый берег, где нависли
клубы черемух и берез.
Почти без памяти,
без мысли
упасть на галечный откос.

И,
камушки перебирая,
не помышляя слаще лечь,
все слушать,
не перебивая,
ее сверкающую речь!

**

Два снега сошло - вот и третий,
а я всё попасть не могу
на родину, в гул междометий,
в объятья, в сугробы, в тайгу,

к могилам родным...
Нету воли
моей - обобрали меня.

Как лодка на зимнем приколе,
как печь без живого огня,
так я.

(А на родине снежно
и тихо, и печка гудит,
и мама печально и нежно
из вечности мимо глядит.)

**

Как прихотливо движется река:
вот солнце было слева, вот уж справа.

Как хороша береговая справа
в кудрявом окаймленьи тальника,
в лугах, в стогах, всхолмленьях за лугами,
где сосны горделиво взнесены,
где зоркий коршун плавает кругами
над чашей оживленной тишины.

Туда бы мне!.. Зачем всегда нас тянет
в чужие, незнакомые места?
Желание, которое обманет:
там та же, что и всюду, маята.

Но каждый раз — но каждый! - из вагона,
автобуса ли, с теплохода ли
зовут те виды, что стоят вдали,
волнует тайна жизни той земли -
как свод ночной, как сны, как время оно

**

Завидная доля черемух -
Завянуть и снова зацвести.
Во всем на земле очередность,
Всему повторение есть.

А мне повторенья не будет,
За краем ослепшего дня
И ливень меня не разбудит,
И лес позабудет меня.

Земля станет темной, оплывшей...
Но каждую клеткой своей
Не сдавшейся, не остывшей
Я все буду помнить о ней.

**

ЛЕСНАЯ ДОРОГА
Ане

Когда они скажут:
пропавший
не вспомнит юдоли земной -
туманом и дымом пропахший,
я выйду к дороге лесной.

Я сяду на пень придорожный.
Я брошу рюкзак возле пня.

Твой голос,
сухой и тревожный,
ребенком уткнется в меня.

Пустые и глупые люди!
Легко расточая слова,
они позабыли о чуде
и силе земного родства.

Что там, где чернеет берлога,
где светят гнилые огни,
которых боятся они,
там есть и лесная дорога,
небесной дороге сродни.

Она-то меня повстречает.
Она не скривит,
не солжет.
Да голос еще выручает.
Да память еще бережет.

Детское желание
Сегодня, за обедом,
Наташа говорит:
- Папа,
я летать хочу,
только по-взправдашнему,
по-настоящему...
А у меня не получается.

И показала руками.
Сердце сжалось.

Пятилетняя моя фея,
мне задачка не по плечу,
но помочь тебе не умея,
отговаривать не хочу -
хочешь, в саночках прокачу?

Мы раскатимся,
снег взметая,
так, чтоб слезы текли из глаз.
Ты попробуй,
моя золотая,
еще раз.
Здесь никто не увидит нас.

Будет некому посмеяться.
Вихрю снежному встречь лицом,
ты попробуй-ка разбежаться -
вдруг получится оторваться,
хоть чуть-чуть пролететь...
Подняться
над бескрылым своим отцом.

КОЛБА

Точи ножи,
торопись на Ажи!

Там, там,
по кустам,
по заветным местам,
посередь кандыка
и другого цветка,
на припеке - взгляни,
а взгляни - и в тени
напирает колба...
Отряхай пот со лба,
да пониже клонись,
да и режь не ленись.

Как набьем мешок,
срежем палки впрок:
дотащи, посошок,
на родной порог!
Упадем за дверь...
А теперь?
Теперь:
перебрать колбу,
потолочь колбу,
посолить колбу,
есть-хвалить судьбу.

Как у нас судьба –
соснова изба,
золота тайга,
хмель да таволга.
А сена в лугах!
А луна в снегах!
Над рекой обрыв –
сердце на разрыв:

глянешь вдаль да вширь –
видно всю Сибирь!

ПОРТРЕТ С ТОПОЛЕМ

У нее в ограде тополь
наклонился на избу.
Муж опять зарплату пропил,
пропил сердце и судьбу.
Мужа в дом она не пустит,
тополь срубит на дрова,
а взамен посадит кустик...
хоть рябиновый сперва.
И на этой же неделе
все в избе переберет,
стены наново побелит -
и вздохнет.
И заживет!
Так раздумается...
Вздоргнет,
глядит в ближнее окно:
на дворе природа дрогнет,
дождь и ветер - все темно.
Тополь кренится,
двоится
и скрипит, скрипит, скрипит.
«Где он ходит, паразит?
Надо свет тушить, ложиться».
И не спит, не спит, не спит.

ТОВАРНЯК

иронические стихи

Идет-гудет Зеленым шум...
Николай Некрасов

Страшон и черен товарняк:
чернее, чем скворец, страшней,
чем пьющий натошак
и спившийся вконец.

Земля гудит, как он летит,
все убыстряя ход.
То пылью каменной пылит,

то нефтью обдает.

Летит, как некий вещий знак,
как сам подземный бог.
Шарахается в поле злак.
Дрожмя дрожит цветок.

Сжимается древесный ствол.
Сужается река.
И кто-то стонет: «Произвол!» -
в созвездии Быка.

А товарняк летит-гудет,
не слыша никого.
А то, что пылью обдает,
смахнешь - и ничего.

Да что там пыль,
да что там свист,
гремящие мосты!..
Мурлычет песню машинист
про синие цветы.

Про тонкий месяц над рекой,
точеные рога...
И товарняк,
такой-сякой,
мычит:
«Хочу в луга!»...

УЛЫБКА

Вы замечали, как порой улыбка
ответную улыбку вызывает?
Вот человек прошел - и улыбнулся.
Кому?
Чему?
Какой-то мысли тайной?
Мечте?
Воспоминанью?
Просто так?
И странно:
ты не знаешь человека,
не видел,
не встречал его,

но тоже
невольно улыбнулся на улыбку.
И погляди - не только ты один.

Не все, не все растеряно меж нами,
не вся любовь размыкана по ветру,
и сердце, оглушенное разладом,
хранит в себе незамутненный звук.

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ
ИЗ СБОРНИКА «БОЛЬЮ СЕРДЦА ЖИВ ЧЕЛОВЕК»

Судьба моя — два сына,
два мира, два крыла
да память о седилах
друзей, с кем жизнь свела

не вдруг, не в одночасье
и не за домино,
а там, где ветер властен
стучать в борта волной,

где все четыре года,
под грохот якорей,
качало нас на водах
известнейших морей.

Но что всего дороже
нам, списанным в запас, —
так вера: нет, не сможет
мир обойтись без нас,

без той любви без нашей
к негромким берегам
речонки детства — ражей,
когда ручьят луга,

когда под солнцем вешним —
что значит песнь своя! —
<...>

Твое имя,
как вдох и выдох.
Сохрани его. Сбереги
не для жаждущих славы и выгод —
на хорошую зависть другим,

доброте твоей и печали,
теплоте незаемной души,
молчаливый ты мой начальник,
в нашей власти — лишь прикажи —

стать отчаянней и моложе
и октябрь обратить в весну,
словно нет ничего дороже
беспечальных лунных дорожек
к твоему через город окну.

Об одном разве что пожалею —
обыграть мне себя не сумею.
Раньше времени я хмелею,
раньше срока придется трезветь.

Но и в горький час отрезвления
словом резким не удружу.
Припаду лишь на миг к коленям
и спасибо за все скажу.

Сгорая на сверхмощных скоростях,
перегорая в спорах-разговорах,
по воробьям растрачивая порох,
всегда ли мы испытываем страх

за сумеречный нервный свет восходов,
встающих, чтоб и дальше жизнь продлить
всему,
что словом деловым природа
привыкли с детских лет определять?

Перед дорогой в завтра?
Перед ждущим
всех Судным Днем и Часом?
Наконец

перед заботливостью берегущих
и помнящих о нас еще сердец?

А в откровеньях наших,
что полны
любви к земле своей,
всегда ли строги
к себе,
когда запальчиво виним
мы жизнь за неудобства?
А в итоге —

весь мир наш,
что устал от суеты,
от скоростей, от гари и от горя,
что носит боль и скорбь в себе,
как море,
и, словно море, жаждет доброты.

Прислушиваясь к шорохам в ночи,
и вглядываясь
в дальних звезд свечение,
он каждую травинкою кричит
и требует защиты и спасенья.

— Помилуйте! — взывают небеса,
распаханные птицами стальными,
способными в каких-то полчаса
края любые обратить в пустыни.

— Спасите! — тянут руки дерева
из пламени, рожденного от спички
двуногого
в заморских джинсах «льва»,
сошедшего с воскресной электрички.

— Взыщите! —
вопиет земная твердь.
— Воздайте! —
вторит следом гладь морская.

Неужто впрямь, восторжествует
смерть?
Неужто в завтра жить — тщета мирская?

Спасения!

Но как суметь спасти,
когда, перегорев в бесплодных спорах,
не можем без того, чтобы простить
себе потраченный впустую порох?

А ведь от каждого зависит —
впредь встречать рассветы нам и нашим весям,

О, если б всем не на словах гореть,
на Мир глядеть не из престижных кресел!

Не опускать стыдливо долу взгляд,
когда другим на раны сыпят перцем.

Что до моих пристрастий. Пусть корят.
Я и за них расплачиваюсь сердцем.

И убеждаюсь: счастлив тот, кто смог
и впрямь услышать голос о спасеньи земли.
Кто — б завтра — из открывшихся дорог
избрал дорогу через очищенье
души своей.

Кому не зря звонят,
в чьем сердце и крепят, и высях знамя
боль и тревоги завтрашнего дня,
дорога — совесть и дорога — память.

1983—1986-1988 г.

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН
ИЗ СБОРНИКА «ПЕРЕГРУЗКИ»

К реке
по хрустной гальке босиком
сбежать под утро
с теплым полотенцем.
И в воду леденящую — бегом,
едва успев на берегу раздеться.

Нырнул — и холод сразу по спине,

Марку Соболю
Много ль надо человеку
в жизни маленькой своей?
В меру солнца, в меру снега,
дочерей и сыновей.

Да еще дымок над крышей —
значит, щи стоят в печи,
чтоб придя домой, в затишье,
знал он твердо — горячи!

Чтоб, войдя туда с мороза,
он заметил на ходу —
все здесь тихо,
все серьезно,
все на правильном ладу.

Чарка водки, хоть не часто,
но с мороза - ничего.
В общем, маленькое счастье
в доме маленьком его.

Но однажды злой, усталый,
Он заметит, что весь век
здесь чего-то не хватало.
И застынет человек.

И впервые, может, в чем-то
заподозрит он себя.
Подросли давно девчонки,
разлетелись сыновья.

Сядет вдруг на кромку стула
потревоженный навек,
удивленный и сутулый,
очень грустный человек.

Есть грусть какая-то в алтайском лете,
когда, озябнув, выйдешь на заре —
клубится Обь туманом на рассвете,
не успевают звезды догореть.

И тянет с берегов сырой прохладой.
И осыпают листья тальники.
Проходит август — время звездопада,
и гуси табуняются у реки.

И скоро ветер,
облака рассеяв,
повеет стужей. И уйдет туман...
А Обь течет, упрямая, на север,
в студеный и бескрайний океан.

ИВАН ЖДАНОВ

* * * * *

Мелкий дождь идет на нет,
окна смотрят сонно.
Вот и выключили свет
в красной ветке клена.
И внутри ее темно
и, наверно, сыро,
и глядит она в окно,
словно в полость мира.
И глядит она туда,
век не поднимая, -
в отблеск Страшного суда,
в отголосок рая.
В доме шумно и тепло,
жизнь течет простая.
но трещит по швам стекло,
в ночь перерастая.
Это музыка в бреду
растеряла звуки.
Но кому нести беду,
простирая руки?
И кому искать ответ
и шептать при громе?
Вот и все. Погашен свет.
Стало тихо в доме.

ПОРТРЕТ ОТЦА

И зеркало вспашут. И раннее детство
вернется к отцу, не заметив его,
по скошенным травам прямого наследства,
по желтому полю пути своего.
и запах сгорающих крыльев. И слава
над желтой равниной зажженных свечей.
И будет даровано каждому право
себя выбирать, и не будет ночей.
Но стоит ступить на пустую равнину,
как рамкой резной обовьется она,
и поле увидит отцовскую спину
и небо с прямыми углами окна.
А там, за окном, комнатенка худая,
и маковым громом на тронном полу
играет младенец, и бездна седая
сухими кустами томится в углу.
И мак погремушкой ударит по раме
и камешком чиркнет, и вспыхнет она
и гладь фотоснимка сырыми пластами,
как желтое поле, развалит до дна.
Про'яснится зеркало, зная, что где-то
плывет глубина по осенней воде,
и тяжесть течет, омывая предметы,
и свет не куется на дальней звезде.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

РАССВЕТ НА БАЛТИЙСКОЙ

1.

*Я смотрю из окна на трамвайную линию:
как стремится она обогнуть горизонт!
Как плавна эта сталь!*

*Словно явь, словно сны мои,
в эту ночь получившие
верный дисконт.*

*Я его заслужил в пору мертвосезония,
между ночью и ночью,
в подсолнечной мгле.*

*Как упрашивал я, как же я урезонивал
равнодушную зелень усталых аллей!*

Чтобы продлился твой лучший сон,
Мне до рассвета теперь не спать -
Взятый у полночи миллион
Злыми копейками отдавать

* * *

Снова зима на задворках мира
Все заводное ее, чужое,
Невероятное, как квартира,
Где штукатурка поверх обоев.

Может быть, я и задумал эту
Перестановку и переклейку
Чтобы никто не нашел монету
Мною потерянную копейку.

Трижды разменяна вдрызг, и что же?
Запросто выдержала экзамен.
Стала в итоге еще дороже
целого мира с его дарами.

Будто бы сердце твое (такою
Наделено неразменной властью
Что и ему ничего не стоит
рваться для этих и тех на части).

Вот бы и мне проскользнуть ничейным,
О безнадежном забыв ремонте
По переулкам узкоколейным
Бликом на выцветшем горизонте!

* * *

В рукав рок-н-ролла больной головой вперед
засунута наша полночь, последняя на Земле.
Пленка затерта к черту, кто ее оборвет -
тому и крутить восьмерки по бескрайней петле.

Молодость - это один на троих стакан,
меркнувшие осколки мелкой оптики дня,
беспечное небо, пошедшее по рукам,
право не быть сильней, обязанность обвинять.

* * *

Дактилически длиться/ямбически биться о
повсеместное небо, ребра его и грани,
во Времена Империй было Большой Игрой.
А сейчас я просто иду в ларек без названья,
чтобы взять там бутылку белого, как снега
той далекой зимы плюс золотые шпроты.
Это солнце Атлантики, мертвые берега,
отдых во время Большой Работы.

* * *

И эта вода, и та вода,
И каждая хочет свое обратно.
Я видел декабрьские города —
Они лежали, как будто пятна.

Так и бывает в иные дни,
Грязные, словно порожек лифта.
Быстро страницу переверни,
Переступи через эту рифму!

Видел что видел, теперь забудь
Слово, мелькнувшее в разговоре
И отправляйся куда-нибудь —
Вверх или вниз, в ледяное море

ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ

*Город был для ливня мал -
он в него чуть не промазал.
Листья бешено листал
ветер на деревьях грязных.
Расколовшийся бетон
неба падал на прохожих:
ливень топал словно слон,
брызгая людей в проходы.
Волосом ручьев оброс
лысый череп гладких улиц.
Город принимал и нес
капли точные, как пули.
А потом в тиши лежал
весь в крови размокшей глины.
Мальчик это понимал.
Мальчик был душой картины.*

НАТАЛЬЯ НИКОЛЕНКОВА

ПАРАМАРИБО

Ну, что, душа, заманчиво свернуть
К зеленым побережьям Суринама?
Заходишь в Атлантический по грудь.
И где там Барнаул, и где там мама!..

Твой организм к экватору привык,
И по-голландски говорит коряво.
Нырни поглубже в сахарный тростник,
За роцей апельсиновой - направо.

Не скромничай, что хочешь, выбирай!
Неважно, что ты видишь, засыпая.
Парамарибо - виртуальный рай,
Парамарибо - песенка такая.

Свернуть, вернуться, перевероршить
Все читанное в нежном пубертате.

Как просто жить, когда не хочешь жить
И вовсе не уверен в результате.

Ты повторяешь: - Весь я не умру! -
Сбиваясь на последних оборотах...
Вот штука в чем: ты не свернешь, мой друг,
Так и замерзнешь в северных широтах.

* * *

Вот главное: не выпадай из ритма.
Вот главное: не выпускай из рук
Малютку жизнь, как маленькую скрипку.
Любовь иль ничего - одно из двух.
Вот главное: отдаться, как течению,
Непостижимым волнам звуковым.
И пусть известно место назначения,
Путь - есть, и остается таковым.

* * *

Знаешь, город совсем опустел.
Все пирожные зачерствеют.
Ощущений моих беспредел
Бьет, как током, как музыкой, греет.

В жилах пламя и пар изо рта.
Дождь смывает остатки коросты.
И стою под водой без зонта.
Как земля. Как подросток.

Восхожденья кого-то из нас.

Мы пока еще розним миры
Осторожно, молчком, исподлобья.
Мы пока еще только подобье
До поры, до последней поры...

СТИХИ О БАРНАУЛЕ

ВИКТОР КУЗНЕЦОВ

Средь берез и сосен гулких,
Рассекая нитью бор,
Путь неблизкий Барнаулки
Рвется на Обской простор.

Что ж ты, речка, приуныла?
Вдоль песчаных берегов
Пробираешься уныло –
Меньше стало родников.

Где твоя былая сила,
Где весенний твой напор,
Мощь безбрежного разлива,
Пылкой юности задор?

Мельниц жернова крутила,
Песни звонких родников
Ты с собою уносила,
Разрывая цепь песков.

Барнаулка, Барнаулка,
Ты ведешь давнишний спор,
Средь берез и сосен гулких
Рвешься на Обской простор.

ЛЮДМИЛА ГАРКАВАЯ

* * *

*Так знай, медлительный мессия,
Мертворожденная любовь:*

*Течет все так же к морю Обь,
Все с той же скоростью и силой,
Не собираясь развернуться,
И — вспять! И — с Волгой!*

И — с Днепром!

*И только тучи в клочья рвутся,
Живьем картины Гейнсборо.*

*На катере — матрос в берете,
Что курит едкую махру,
Флажок — тебе письмо в конверте,
Гудок прощальный на ветру...*

*Насколько злее стала квинта!
В Оби не водится медуз.
Кисель воды прозрачно пуст,
Прозрачно нежен... Меццо-тинто.*

*И мимо город — мирно, мерно.
Укрылись маревом дома,
Кому — очаг, кому — тюрьма,
И не уплыть, что характерно,
И не уплыть... На то бесовский
Расклад: морока, маета...
И тут бессилен Айвазовский —
Свинцовость. Ветер и вода.*

Марианна Колосова

ВСПОМИНАЙ

Небо – шалью голубою
С желто-розовой каймой!
Надо мною, над тобою
Солнца отблеск золотой...

Посмотри на запад алый,
Ало-розовый закат.
Солнце щурится устало,
Зори желтыя горят.

Где-то темный город дождей,
Где-то старый, гордый Рим...
Но о том, что нам дороже,
Мы с тобой поговорим.

Сумрак синий шире, шире!
Запад алый – это Русь!
Неулыбчивой Сибири –
Из Китая улыбнись...

Не вернуть душе покоя...
Все же память не губи.
Вспоминай село родное,
Переплеск реки Оби.

Береги воспоминанье,
Не развей, не растопчи –
Нашей молодости ранней
Ало-желтые лучи...

1928 г.

ПОД УГРОЗОЙ

Знаю я, что тленно все земное...
Я пою, но будет день и год -
И за песни, созданныя мною,
Может быть, взойду на эшафот.

Страшно... Но не это, а другое:
Душу на земле оставлю я,
Выстраданное и дорогое -

Все, что жгло и мучило меня.

Что же, если песню мою люди,
Жизнь мою,— в веках единый миг,
Позабудут в пропыленной груди
Брошенных, неинтересных книг?

Мои мысли трепетно - живыя
О борьбе, о жизни и тоске
Будут крысы жирныя и злыя
В полумраки грызть на чердаке.

И никто не вспомнит, что когда то
Под угрозой, худшей из угроз, -
Человек, ни в чем не виноватый,
Наказанье тяжкое понес.
1930

ГЕРАНЬ

Хочу обычного. Чтоб на окне герани.
Чтоб бабушка сидела у окна.
Чтоб кот мурлыкал сказки на диване,
И чтоб в ушах звенела тишина.

Чтоб утром к чаю пышныя ватрушки.
Чтоб не бояться наступающего дня.
Чтоб хрюкали за воротами чушки,
И бабушка ворчала на меня

За то, что я такая непоседа,
Все бегаю, а кружев не вяжу;
За то, что сплю частенько до обеда,
А по ночам над книжками сижусь.

Грозила бы пожаловаться маме,
(«Большая уж, степенной быть пора!»)
За то, что переглядывалась в храме
С псаломщиком у всенощной вчера.

И уж пора бы перестать взбираться
Всех выше на черемуху в саду.
Ведь барышня! Ведь стукнуло 15.
А дочка батюшки в деревне - на виду!

Что, мол, поповне даже и не гоже,

Какіе-то там «романы» читать!
Что раньше девушек воспитывали строже,
Но легче было замуж выдавать.

А я под воркотню моей старушки,
Свернувшись на диване, подремлю.
Во сне увижу прапорщика-душку,
Который шепчет мне «люблю».

Ходить по ягоды с лукошком из бересты
Туда, где лес синее. Далеко!
Все было так; по-деревенски просто,
Все было так по-девичьи легко...

Да было ли? Я, может быть, приснилось?
На чьем окне цветет моя герань?
Где прошлое, скажи ты мне на милость
И глаз моих слезами не тумань.

За чьи грехи я радость потеряла?
За чьи грехи я счастье отдаю?
И сколько пар чулок уже связала
Для нищей внучки бабушка в раю?
1931

ЛАЗОРЕВЫ ЦВЕТЫ

Наташе Г.

За морем (для сердца друга близко)
Помню, что живет уж много дней
Девушка Наташа в Сан-Франциско,
Далеко от родины своей.
Белокуры спутанные косы,
В сердце - нежность, удаль и гроза!
И неразрешимые вопросы,
Затаили синие глаза.
Заклинаю старой дружбой нашей:
Помни среди чуждой красоты,
Что в России чужеземных краше,
Во полях лазоревы цветы.
Города на свете есть другие.
В Сан-Франциско, вот уж скоро год,
Девушка, рожденная в России,
В небоскребе каменном живет.
Где б ты ни жила, навеки наша.
Знаешь ли, на что похожа ты?

Имя твое нежное - Наташа -
Во полях лазоревы цветы!
1931 г.